

Иллюстрация: ОВД-Инфо

20.07.2018, 13:49 Москва

СТАТЬИ

«Для государства был изначально виновен». Что не так с делом Вячеслава Шатровского

5 ноября 2017 года **Вячеслава Шатровского** покалечил полицейский. 24 мая 2018-го Шатровскому вынесли приговор, а 23 июня этапировали в колонию, не дожидаясь апелляции и вступления приговора в силу. Дело Шатровского выглядит неубедительно даже на общем фоне российского правосудия: в деле подменяли документы, суд отказывался изучать доказательства и не учитывал смягчающие обстоятельства. ОВД-Инфо рассказывает историю этого странного дела.

СОБЫТИЙНЫЙ РЯД

48-летний житель города Шарья Костромской области Вячеслав Шатровский выбрал неудачное место (Новопушкинский сквер) и время (5 ноября 2017 года, около 11:40), чтобы передать вещи сыну Максиму. Политик Вячеслав Мальцев на 5 ноября назначил свою «революцию» — в Москве **были задержаны 339 человек**. Какое отношение все они имели к Мальцеву и его «революции» — большой вопрос.

Вячеслав Шатровский и его друг Дмитрий Брехов ждали Шатровского-младшего в Новопушкинском сквере. Полицейский Максим Павлов, который впоследствии проходил по делу как потерпевший, проверил у них документы. Между тем появился сын Шатровского, отец бросил ему рюкзак, крикнул: «Максим, беги!» — и сын побежал. Дальше показания полицейского (а также свидетелей-полицейских) и Шатровского радикально расходятся.

По версии Павлова, Шатровский ударил его по затылку и «осуществил захват шеи своим предплечьем» — во время проверки документов, «из хулиганских побуждений».

По версии Шатровского, он кинул сыну рюкзак с вещами и велел бежать. Тот побежал, полицейский Павлов погнался за ним, понял, что не догонит, запустил в него дубинкой и остановился, чтобы ее поднять. Шатровский подошел спросить, зачем Павлов кинул в Максима дубинку, и тут Павлов применил к Шатровскому силовой прием и бросил через плечо.

В итоге задержали и Шатровского-старшего, и Шатровского-младшего, и Дмитрия Брехова заодно. Максиму Шатровскому суд назначил 15 суток ареста по статье 19.3 КоАП (неповиновение законному распоряжению полицейского), Дмитрию Брехову — 14 суток. Против Вячеслава Шатровского возбудили уголовное дело по 1-й части статьи 318 УК (применение

насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти). Дмитрий Брехов проходил по этому делу свидетелем.

Из материалов уголовного дела на Вячеслава Шатровского и показаний свидетелей никак не удастся понять, когда и где произошло то, что произошло.

По словам всех свидетелей — а также согласно медицинским документам из дела Шатровского, — якобы преступление произошло в 11:40. Однако в карточке происшествия из скорой помощи указано, что Павлов получил ушиб головы в 11:15. Свидетельница, сотрудница полиции Чембарова, а также пострадавший Павлов, **видимо, владеют суперспособностью раздваиваться.**

На суде Чембарова показала, что в 12:40 конвоировала Шатровского в НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Но ранее Тверской районный суд выносил постановления по другим, административным делам — из них следует, что в 12:40 Чембарова патрулировала Новопушкинский сквер, где еще кого-то задержала и доставила затем в ОВД. Та же история с Павловым. Согласно постановлениям Тверского районного суда по административным делам, в 12:40 Павлов задерживал людей на Пушкинской площади. Согласно его показаниям на суде над Шатровским — пострадав от ушиба головы, он к 12:40 с площади уже уехал. В обвинительном заключении утверждается, что Шатровский совершил преступление возле лавки, где полицейские проверяли у него документы. На суде же говорилось, что оно произошло возле клумбы, куда затем убежал полицейский. Поскольку следствие, прокурор, а затем и суд, очевидно, оказались не способны внятно ответить хотя бы на вопросы «где?» и «когда?», их версии по поводу «что?» вызывают серьезные сомнения.

КАК ЗДОРОВЬЕ?

5 ноября, вскоре после этого инцидента неясной природы, и Шатровского, и Павлова обследовали в НИИ имени Склифосовского. Шатровскому диагностировали открытую черепно-мозговую травму и сотрясение мозга, наложили швы, после чего выписали его в состоянии средней тяжести. У Павлова установили легкое сотрясение мозга — полагаясь на его слова о том, что у него болит голова. Вечером того же дня Павлов дополнительно обследовался в поликлинике, где ему зафиксировали еще некую «травму шеи» (ссадину), на которую в НИИ им. Склифосовского он не жаловался и которую там не обнаружили. Последующая экспертиза, как рассказал адвокат Шатровского Константин Маркин, установила, что «диагноз Павлова „сотрясение головного мозга“ не подтверждается динамическим наблюдением».

Состояние здоровья и полученные травмы Вячеслава Шатровского были зафиксированы в ходе судебно-медицинской и психолого-психиатрической экспертизы. Но судебно-медицинскую экспертизу провели без участия Шатровского (и **суд отказал** в повторной экспертизе, а также в направлении Шатровского на медицинское освидетельствование). Психолого-психиатрическая экспертиза проходила при участии Шатровского, но с многочисленными нарушениями. Его карту из медчасти СИЗО и карты со станции скорой помощи (откуда Шатровскому дважды вызывали врачей) суд не счел достойными внимания и запрашивать их не пожелал.

Вячеслав Шатровский / Фото предоставлено родственниками Шатровского для ОВД-Инфо

С последствиями полицейского служебного рвения Шатровский живет по сей день. Эксперты сочли, что его здоровью причинен «легкий вред» (они руководствовались

тем, что подобные травмы ведут к потере трудоспособности менее, чем на 21 день), однако все время содержания в СИЗО у Шатровского отмечались проблемы со здоровьем, а медицинской помощи он практически не получал. Наложённые швы Шатровскому помогали снимать сокамерники в СИЗО, а не медработники. Его мучили **головные боли и бессонница**. В конце февраля у Шатровского случилось носовое кровотечение, которое, по его словам, не прекращалось четыре часа, — по такому случаю ему вызывали скорую помощь. До 5 ноября у Шатровского было нормальное зрение, но в СИЗО оно испортилось — лишь под давлением адвоката окулист наконец осмотрел Шатровского и выписал ему очки. После травмы головы врачи рекомендовали Шатровскому покой, но следствие, ссылаясь на то, что подозреваемый может скрыться и уничтожить улики, не соглашалось переводить Шатровского на домашний арест или под подписку о невыезде, а суд снова и снова соглашался со следствием. И при этом следствие и суд упорно сопротивлялись проведению любых дополнительных медицинских исследований — очевидно, объективная картина здоровья Шатровского их ничуть не интересовала.

ПРЕВРАЩЕНИЯ В ДЕЛЕ

Следствие завершилось в конце февраля, обвиняемый и его адвокат ознакомились с делом, но за время пути оно местами преобразилось до неузнаваемости. По словам Константина Маркина, были подменены в общей сложности восемь процессуальных документов, что вызывает вопросы не только к этим, но и к прочим собранным материалам.

В частности, подменили постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы в отношении Шатровского. Постановление датировано 5 ноября,

и в нем указано, что Шатровский не направлен на экспертизу, поскольку находится в СИЗО, однако постановление суда о заключении Шатровского под стражу вынесли лишь два дня спустя. Видоизменилось и постановление о назначении такой же экспертизы Павлову — оно тоже датировано 5 ноября, но то постановление, с которым был ознакомлен Шатровский, датировалось 6 ноября: очевидно, это был другой документ.

В постановлении следователя от 5 ноября о назначении Шатровскому государственного адвоката (Константин Маркин вступил в дело позже) сказано, что адвокат вступает в дело по ордеру от 8 ноября, хотя она вступила в дело уже 5 ноября и по другому ордеру.

Ходатайство Маркина о проведении медицинского освидетельствования следователь удовлетворил 10 января 2018 года, однако освидетельствование так и не провели, а в деле внезапно возникло постановление об отказе в удовлетворении этого ходатайства. Несколько других ходатайств адвоката из дела просто **исчезли**.

В деле имелся рапорт сотрудника ОВД по Тверскому району Искандерова о запросе записей с видеокамер из московского Департамента информационных технологий. Впоследствии этот рапорт дополнили сообщением о том, что запрос сделан, но департамент устно сообщил, что запись не сохранилась. Однако Константину Маркину в департаменте сказали, что запрос действительно был, но зарезервированную видеозапись сотрудники полиции не забрали — неизвестно почему.

При этом, отмечает Маркин, в обвинительном заключении содержится серьезное противоречие: «В тексте вроде как все про потерпевшего расписывается, а когда переходим на персоналии, когда нужно сформулировать вывод — кто потерпевший, какой вред ему причинен, — в графе

„Данные о причиненном вреде и информация о потерпевшем“ написано „Информация отсутствует“».

Количество подозрительных документов в деле зашкаливало, и 11 апреля Маркин ходатайствовал о возвращении дела в прокуратуру. **Ходатайство не удовлетворили.**

ПРОЦЕСС

В зале суда чудеса продолжились. «Все наши ходатайства о получении каких-либо документов, об истребовании, о дополнительном исследовании были отклонены, — говорит Константин Маркин. — Получается, на основании чего построено все дело? На основании показаний четырех сотрудников полиции».

На суде никаких объективных доказательств вины Шатровского так никто и не представил. Ходатайства адвоката об освобождении Шатровского от содержания в клетке на заседаниях суд просто не стал рассматривать, чего в постановлении не отразил. Прокурор пытался устно вменить Шатровскому выкрикивание каких-то лозунгов (в тексте приговора этот вопрос обошли). Руководствуясь текстом обвинительного заключения, прокурор заявлял, что Шатровский «унизил профессиональное и человеческое достоинство» Павлова, хотя в состав преступления по 1-й части статьи 318 это не входит. Вдобавок на прениях **выяснились** и другие занятные детали: например, ни Шатровский, ни его друг Брехов не узнали в якобы потерпевшем человека, проверявшего у них документы. Кто подходил к ним в Новопушкинском сквере и кто получил ушиб головы, остается загадкой.

Вячеслав Шатровский на работе / Фото предоставлено родственниками Шатровского для ОВД-Инфо

Приговор, вынесенный судьей Еленой Булгаковой, дублирует обвинение. Сколько прокурор запросил, столько подсудимому и дали, а состояние здоровья Шатровского, считает Маркин, суд фактически не учел. Суд также проигнорировал тот факт, что у подсудимого есть заслуги перед отечеством (в конце 1980-х Шатровский принимал участие в военных действиях — обычно суд учитывает это как положительную характеристику, поскольку подсудимый защищал интересы государства). Несмотря на то — или, похоже, ровно потому, — что действия полицейского нанесли Шатровскому серьезный вред, суд не счел нужным добросовестно изучать доказательства, зато счел возможным закрыть глаза на многочисленные нестыковки, подмены и недостаток данных. Очевидно, легче осудить просто какого-то гражданина, против которого свидетельствуют сотрудники правоохранительных органов (а больше никто и ничто), чем признать нарушение за сотрудником правоохранительных органов и разбираться с ним. 24 мая Шатровского **приговорили** к трем годам колонии общего режима.

НАКАЗАНИЕ ДОСРОЧНО

Константин Маркин отослал жалобу на приговор в Тверской районный суд 3 июня. Жалоба поступила туда 14 июня, но в уголовной канцелярии ее зарегистрировали лишь спустя шесть дней. К 22 июня она все еще не попала к судье, а в субботу, 23 июня, Шатровского этапировали из СИЗО — до вступления приговора в законную силу. Адвокат подал на имя судьи, в прокуратуру и во ФСИН заявления о том, что отправка Шатровского к месту отбывания наказания противоречит презумпции невиновности, статье 49 Конституции и пункту 2 статьи 6 Конвенции о правах человека и основных свобод. Заявления действия не возымели. Тверской районный суд продолжает где-то в своих недрах мариновать

апелляционную жалобу по делу — и вдобавок полтора месяца не находил в себе сил выдать или выслать адвокату копию судебного протокола, который нужен для максимально полной подготовки к апелляции.

Касательно этапирования человека, чей приговор еще не вступил в силу, помощница судьи сообщила Маркину, что такая практика у них существует. В суде переживали только о том, что Шатровского неудобно будет уведомлять о подаче апелляционной жалобы, — противозаконность досрочного помещения в колонию суд не смутила. «Тут же еще такая важная вещь, — поясняет Маркин. — Если бы Шатровский находился в СИЗО, ему бы быстрее шел срок — потому что день в СИЗО за полтора дня в колонии».

«По сути получилось, — говорит Константин Маркин, — что для государства Шатровский был изначально виновен. Что госорганам даже не нужно ждать, когда приговор вступил в законную силу. Они отправляют человека отбывать наказание, и получается, что судебное разбирательство — это такая фикция, формальная необходимость. Чтобы создать видимость того, что государство пытается объективно рассмотреть уголовное дело».

По данным Маркина, примерно 9 июля Шатровский поступил в 17-й отряд ИК-5 Кировской области. Дата рассмотрения апелляционной жалобы до сих пор не назначена. Приговор не вступил в силу. Вячеслав Шатровский уже отбывает наказание. «Мы можем действовать только в рамках закона, — подытоживает адвокат. — В отличие от другой стороны, которая может действовать, как ей заблагорассудится».

Дело Вячеслава Шатровского

Вячеслава Шатровского задержали 5 ноября 2017 года и обвинили в насилии к полицейскому, хотя он получил черепно-мозговую травму от удара полицейского. Приговорен к двум годам и девяти месяцам колонии.

Ещё почитать

04.03.2026 Москва

В Москве арестовали бывшую депутатку, участвовавшую в «Съезде народных депутатов»